

Легитимация университета в современной культуре

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-108-123

Васильева Марина Александровна – канд. филос. наук, ассистент кафедры философии, vasileva_ma2@pers.spmi.ru

Беззубова Ольга Владимировна – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, bezzubova_ov@pers.spmi.ru

Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

Адрес: 199406, Санкт-Петербург, Малый проспект Васильевского острова, 83

***Аннотация.** Авторы статьи предлагают рассмотреть университет как значимый культурный топос. Значимость топоса обеспечивается нарративом, который является его неотъемлемой частью, отражает ценностную ориентацию в культуре и вписывает в неё университет. Исторические примеры университетов авторы приводят для подкрепления своего тезиса о том, что этот нарратив в большей степени рождается не во внутренних университетских процессах становления, а в реакции на внешние культурные вызовы. Современная ситуация такими вызовами изобилует, а потому создание легитимирующего нарратива для университета оказывается довольно проблемным. Авторы рассматривают влияние таких факторов, как массовизация, медиа-коммуникация, социальные, демографические изменения и др. Самолегитимация университета, как показывают авторы на примерах современных отечественных и зарубежных образовательных институтов, происходит в том числе в визуальной плоскости. Университеты репрезентируют собственную позицию, историю и актуальные ценности, создавая собственный визуальный код. В качестве примеров приводятся современные сайты университетов с теми визуальными изображениями, которые представлены на их заглавных страницах. На основании этого материала авторы делают вывод об основных современных стратегиях самолегитимации университета как позиционирования на условных шкалах: традиции и инновации, лояльность власти и независимость от неё, история и сообщество.*

***Ключевые слова:** университет, история университета, российский университет, европейский университет, американский университет, культурный топос, легитимирующий нарратив, самолегитимация, визуальный код*

Для цитирования: Васильева М.А., Беззубова О.В. Легитимация университета в современной культуре // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 108–123. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-108-123

Legitimation of University in Modern Culture

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-108-123

Marina A. Vasilyeva – Cand. Sci. (Philosophy), Assistant of the Department of Philosophy, vasileva_ma2@pers.spmi.ru

Olga V. Bezzubova – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., the Department of Philosophy, bezzubova_ov@pers.spmi.ru

St. Petersburg Mining University, Saint-Petersburg, Russia

Address: 83, Malyy Prospekt V.O., Saint-Petersburg, 199406, Russian Federation

Abstract. The authors propose to consider university as a significant cultural topos. The significance of the topos is provided by the narrative integrated in it. It reflects the values and inscribes the university into the current cultural situation. The authors give several historical examples to support their thesis that this narrative is a response to external cultural challenges. The current situation is rife with such challenges, and therefore, the creation of a legitimizing narrative for the university turns out to be quite problematic. The authors study the influence of such factors as massification of education, media communication, social, demographic changes, etc. Examples of modern Russian and foreign universities demonstrate self-legitimization process of the university and show its visual part. The universities represent their own position, history and current values by creating their own visual code. The authors adduce as examples modern universities' websites with the visual images that are presented on their title pages. Based on this material, the authors draw a conclusion about the main modern strategies of self-legitimation of the university as positioning on the scales: tradition and innovation, loyalty to the government and independence from it, history and community.

Keywords: university, university history, Russian university, European university, American university, cultural topos, legitimizing narrative, self-legitimation, visual code

Cite as: Vasilyeva, M.A., Bezzubova, O.V. (2022). Legitimation of University in Modern Culture. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 31, no. 3, pp. 108-123, doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-108-123 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Топология культуры предполагает неоднородность, а зачастую и иерархию. Одни понятия и места оказываются значимей других, и это прямое следствие их роли в сложных и многогранных культурных процессах. Иногда эти иерархичные структуры перестраиваются в соответствии с новой схемой культурного взаимодействия. Мы предлагаем рассмотреть значимость одного из важнейших культурных топосов, который как раз переживает довольно непростой и длительный процесс переоценки.

Университет в полной мере можно рассматривать как сложившуюся форму со-

циального и культурного взаимодействия, а точнее, как культурное пространство (физическое или виртуальное), в котором это взаимодействие происходит. Именно в этом смысле мы понимаем университет как тоpos. Речь идёт не об университете отдельного периода или культурной эпохи, а о метаидее университета как пространства образования и науки в европейской и, в дальнейшем, глобальной мировой культуре. При всём разнообразии воплощений университета за время его существования, о нём можно говорить как об общем понятии, форме или паттерне культурного взаимодействия. Нас интересуют в первую очередь культур-философ-

ские основания специфики реализации этой формы, поскольку они напрямую отражают ценностные, гносеологические и онтологические установки сложившейся культурной ситуации. Университет представляет собой сложную негерметичную систему, поэтому изменения в нём возможны как по внутренним причинам, так и из-за внешних вызовов. В данном случае речь пойдёт скорее о внешних культурных обстоятельствах, которые влияют на университет, требуя от него актуальности как соответствия и соотнесённости с доминирующими тенденциями, понятиями, ценностями и представлениями. Мы обозначаем это соответствие и его признание, используя термин «легитимация» в его прямом значении. Таким образом, мы говорим об основании и обосновании ценности университета в современной культурной ситуации.

С одной стороны, культурная значимость университета подтверждается тем, что мы можем рассматривать его как отдельное культурное понятие, топос. С другой стороны, современные реальные университеты переживают непростой период конкуренции с новыми образовательными источниками, испытывают потребность обосновать и обозначить собственную ценность в культуре, которая в рыночной экономике часто выражается в сумме финансовой поддержки. Можно сказать, что топос университета как легитимирующее основание действительных университетских практик переживает серьёзный кризис, который мы полагаем главным объектом своего интереса, а центральная проблема всего исследования – концептуализация университета, поиск оснований для его значимости в новом мире и дискуссии вокруг этого процесса.

Мы хотим показать, какие варианты концептуализации университета были в прошлом, для того чтобы понять, на что может опереться университет современный. Этому посвящён первый, исторический, раздел статьи, в котором акцент делается именно на легитимирующей основе университета. Далее мы рассматриваем особенности со-

временной культуры с её вызовами образованию и науке, чтобы показать, почему эта легитимирующая основа нуждается в переосмыслении. В завершение мы переходим к рассмотрению современной концептуализации университета, анализируя практики самопрезентации учебных заведений в России и других странах.

Разговор о современном университете мы считаем необходимым предварить экскурсом в историю университета как идеи и практики социального взаимодействия, т.е. как топоса. Несмотря на обилие крайне интересных и подробных работ по этой теме, мы полагаем, что краткий обзор позволит показать на примерах главную идею университетского нарратива каждого исторического периода. Кроме того, нам видится крайне важным подчеркнуть связь этой идеи с общими культурными устремлениями и ценностными позициями, чтобы далее понять, как может происходить легитимация университета в современной культуре.

Здесь следует отдельно указать на то, что авторы не предлагают выстраивать все учебные заведения, называвшиеся университетами, в одну линию, описывая их эволюционное развитие. Такой подход представляется неправомерным, поскольку подобные институты в большей степени отражают текущую ценностную ориентацию общества, чем развитие собственных традиций. Обращение к прошлому и его практикам является скорее актуализацией, поддержанием ценностной системы и всегда предполагает использование образов прошлого в собственных целях, что ведёт к его конструированию. Подробнее об этом будет сказано далее, однако здесь стоит проговорить этот методологический момент. Несмотря на то что античные учебные заведения были довольно сложны, а Пандектерион в Константинополе уже явно превосходит университетскую идею, мы склонны полагать, что разговор об университете можно начинать с определённого момента (XIII–XIV вв.). При этом следует помнить, что в дальнейшем время и локаль-

ные особенности культуры вносили в проект университета свои коррективы. Исторические примеры учебных заведений можно представить не как линию преемственности, а, скорее, как ряд однородных институций, университетских систем, которые можно между собой сравнить. Однако в то же время это не отменяет существование и значимость внутренних традиций. Некоторые из них даже при полном перестраивании самой университетской системы оставались в качестве формального признака единства с прошлым. Например, фигура декана или ректора изначально представляла собой нечто совершенно иное, чем сегодня, их избрание или назначение различаются в разных университетских системах, но сохранение названия создаёт иллюзию наследования. Также можно привести в пример использование в средневековых учебных заведениях тривиума и квадриума из античных образовательных теорий при иной трактовке как самой цели, так и процесса образования. Таким образом, мы утверждаем, что понятие «университет» можно использовать как зонтичное для ряда институций высшего образования, возникших с X–XI вв. и получивших осмысление и закрепление в Европе в XIII–XIV вв. Эти институции схожи рядом внутренних и внешних формальных признаков, но также имеют серьёзные различия между собой. Таким образом, в ходе своей истории и множества изменений понятие университета стало топосом.

Топос в этом смысле неотделим от нарратива, который его обеспечивает, выделяет и, собственно, легитимирует. При всей декларируемой свободе университета, осмелимся утверждать, что он никогда не был стихийным порождением культуры. Специфика университета и основная задача людей, которые себя в университете видят, заключается в осознании законов мироздания и рефлексии над ними. Саморефлексия, вполне очевидно, в университетах тоже сильна. Именно поэтому перед нами предстают разнообразные примеры вполне внятного вербального опи-

сания целей и задач университета. Учитывая этот момент, связанный с осознанием места университета в актуальной культуре, мы можем говорить, что начало университета как особой институции можно датировать XIII–XIV в., когда сам термин закрепился за учебными заведениями, ранее обозначавшимися как *studium generale*, *universitas studii* (учёная корпорация) или *universitas magistrorum et scholarium* (корпорация магистров и учащихся) [1, с. 3]. В это время можно уже говорить не о единичных, уникальных учебных заведениях, но об университетской системе, при всём различии составляющих её элементов. Университеты осознают себя как университеты, как отдельное сообщество и силу в средневековой Европе [2, с. 58–66].

Во все времена необходимой частью университетской жизни был устав, что можно рассматривать как проявление постоянной саморефлексии. В сложные периоды перемен добавлялись ещё и отдельные статьи, размышления, книги, как это было в начале Нового времени. Другим хорошим примером саморефлексии является традиция университетских юбилеев. Отечественный исследователь О.В. Морозов показал, что такие мероприятия и подготовка к ним становятся для университетских сообществ временем подведения итогов, ревизии достижений и неудач, а также поводом для формулирования новой концепции развития. Сравнивая подготовку к юбилеям в немецких и русских университетах в начале XX в., он показывает различия в их самоопределении, осознании собственной миссии и места в культуре [3]. При этом именно в процессе такой подготовки университеты сопоставляют себя с друг с другом и буквально вербализуют собственные ценностные позиции.

Фокус на этих двух моментах – отражении общих культурных тенденций и самосознании – позволяет по-новому посмотреть на историю университетов в целом. Часто мы знаем о ней в связи с различными дискуссиями, спорами и проч. Интересно, какие темы можно назвать центральными для каждого

из основных (и всё же условных) периодов развития университета.

Исследование исторических примеров легитимации университетов

На заре развития университетов в Европе сильной и отличительной стороной новых образовательных учреждений стала автономность. В период расцвета европейских городов это понятие было довольно очевидным и даже более определённым, чем сегодня. В качестве основного вопроса для этого периода можно выделить поиск внутренней структуры и её балансирование. Стоит вспомнить хотя бы различия Болонского и Парижского университета: одна структура выстраивалась силами студенчества, а другая – с опорой на сообщество преподавателей. В Болонью стекалось множество студентов для изучения права, при этом они испытывали некоторое притеснение со стороны местных жителей. Исследователь истории средневековых учёных корпораций Н.С. Суворов ссылается на жалобы болонских школяров императору Фридриху I Барбароссе. Приветствуя его вместе с жителями города, студенты рассказали, «что горожане за долги одного школяра арестуют любого другого школяра, и что они, школяры, просили бы императора принять их под своё покровительство» [4, с. 12]. Император в ответ издаёт закон, «воспреещающий арестовать одного за долги другого и ограждающий школяров от возможного пристрастия со стороны городских судей, создающий для них особой привилегированной подсудности» [5, с. 14]. Болонские студенты создали землячества, вокруг которых и образовалась особая структура этого университета. В то же время в Париже основой университета стало объединение преподавателей теологических школ, которые старались таким образом защитить свои интересы. Между тем это не означает, что положение студентов в Парижском университете было хуже, поскольку и магистры, и студенты принадлежали к одному цеху. Как мы знаем, «победил» ско-

рее парижский тип университета, но сложно сказать, является ли это следствием внутренних процессов, или же просто популярность итальянских и в целом южноевропейских университетов резко снизилась после появления университетов в Центральной и Восточной Европе [1, с. 6]. В любом случае, в средние века мы имеем дело с университетом как независимой профессиональной корпорацией, которая выживает и процветает именно за счёт своего единения.

Новоевропейский университет знаменит в первую очередь как немецкий классический университет, или гумбольдтовский проект, основным вопросом в котором стала степень свободы преподавателя как исследователя и наставника. Можно сказать, что в этот момент позиция автономности уже уходит на второй план. Проект реформы университета В. фон Гумбольдта прекрасно вписывается в его философию и рассуждения о свободе [6]. Свобода преподавателя в аудитории становится дискуссионной в связи с серьёзной переориентацией образования в целом. Программа средневекового университета сменяется новым проектом науки, который подразумевает постоянную изменчивость и динамику исследований. В то же время рождается и новый тип государственности, новый тип управления, характерный для новоевропейской культуры и отражающий её основные позиции. Гумбольдтовский университет в полной мере отражает принцип, воспетый в немецком Просвещении: «Рассуждайте, но повинуйтесь» [7, с. 27.]. Получается, что университетская автономия с чёткой программой образования средневекового университета зеркально сменилась исследовательской свободой и структурной зависимостью в проекте исследовательского университета Нового времени. Современные рассказы о свободе и автономности университетов прошлого необходимо снабжать оговорками о том, что свобода могла быть и была очень различной [8].

Вместе с тем необходимо вспомнить и о появлении отдельных научных дисциплин в

XVIII–XIX вв. Их институционализация происходила также в стенах университета и отражала таксономические идеи, господствовавшие в тот момент в естественных науках. Другим хорошим примером проявления этой «страсти к разделению и отличиям» является музей, который именно с этого момента представляет собой коллекцию, структурированную именно в таксономических, а не символических координатах [9; 10]. С этого момента университет становится институциональным воплощением научной картины мира, которое довольно часто перестраивается, стремясь к репрезентации актуальных интересов научного сообщества и общества в целом. Можно сказать, что именно тема актуальности исследовательских позиций и школ становится в этот момент наиболее значимой для университетского топоса.

Университеты англоязычного мира раньше или позже переняли черты гумбольдтовского проекта. В Великобритании сложности с переходом на новый тип устройства отразились в появлении двух поколений университетов – «каменных» и «краснокирпичных». Новые краснокирпичные университеты, возникшие в только что появившихся индустриальных центрах (в Лондоне, Дареме, Ливерпуле, Бирмингеме и др.), активно принимают новый тип внутреннего устройства и организации образования, в отличие от уже устоявшихся каменных – Оксфорда и Кембриджа. Хотя, конечно же, изменения XIX в. коснулись и их.

Американская университетская система сложилась уже по новому образцу. Несмотря на то, что изначально колледжи стремились подражать именно «каменным авторитетам», это было сложно осуществимо. В колледжах не хватало преподавателей, что не позволяло обеспечить чёткую специализацию при подготовке студентов, да и система попечителей вносила свои коррективы [11, с. 57]. Сама цель университетского образования состояла скорее в воспитании, чем в подготовке научных кадров или специалистов. В результате жёсткой критики и серьёзных реформ, полу-

чивших название «Американской академической революции» [12], к концу XIX в. в США складываются свои традиции университетского образования, которые всё же ближе к гумбольдтовскому проекту, чем к какому бы то ни было ещё.

Свою лепту в становление университета вносит и линия историцизма, которая появляется и крепнет в XIX в. Это проявляется в гумбольдтовских идеях, в отношении к реформам и традициям, а также в самоописании американских университетов. Кроме того, именно в XIX в. появляются первые работы по истории учебных заведений. Эта же тенденция находит отражение и в уже упомянутых университетских юбилеях, широко отмечавшихся в начале XX в. Несмотря на то что в дальнейшем в XX в. часто говорили об изменении культурной парадигмы в Европе, эта историческая линия и любовь к ней прослеживаются до сих пор, а рефлексия по поводу истории оказывается одной из самых очевидных при разговоре о любом предмете. Легитимация через историю и традицию становится наиболее понятной. Отчасти это порождает закрытость университетского сообщества, которое таким образом отстаивает свою «историческую необычность».

Продолжая, со всеми оговорками о целесообразности, историческую линию, укажем, что российские университеты имеют свою 300-летнюю историю. «Свою», поскольку, перенимая некоторые черты западных университетов, российская система образования развивалась в иных координатах. Европейские университетские идеи адаптировались к российской реальности, которая в XVIII–XIX вв. менялась довольно существенно. Процесс этих изменений и его влияние на университетскую среду рассматривается во многих современных публикациях, в т.ч. в книге «Русские профессора: университетская корпоративность и профессиональная солидарность» [13]. С середины XVIII в. российский университет раскрывается на своеобразных «качелях», что мы можем наблюдать благодаря сравнению университет-

ских уставов. Самым либеральным называют устав 1804 г., созданный В.Н. Карамзиным в начале правления Александра I. Однако после всех сложностей первых двух десятилетий XIX в. целью правительства стало ограничение западного влияния, в том числе и на сферу образования, что привело к серьёзному изменению устава. В 1835 г., уже при Николае I, в силу вступил новый устав, строго регламентирующий деятельность университета. Эта строгость негативно сказалась на научной активности университетов, а потому одной из главных целей нового устава 1863 г. стало не только соответствие духу «великих реформ» Александра II, но и возвращение науки в университеты через либерализацию университетского сообщества. Правда, уже в 1884 г. устав снова изменился в сторону ограничений, которые действовали вплоть до 1905 г. Советское образование выстраивается вокруг новой ценностной системы, а потому его сложно назвать преемником предшествующих столетий. И внутренние, и внешние процессы подчинены в нём общей идеологии, которая не слишком увязывается с классической университетской идеей. Зато эта идея становится востребованной в постсоветский период, когда отечественные университеты снова вынуждены заниматься самоопределением [14; 15].

Как видно даже из этого беглого изложения, история российского университета неразрывно связана с внешними культурными и политическими изменениями. Даже имевшаяся в некоторые её периоды автономия проистекала не из внутренних, а из внешних политических установок.

Таким образом, мы видим, что история и локализация университетского топоса вполне согласуется с историей и локализацией метанарративов конкретной культуры. Признавая значимость внутренних процессов университета, мы полагаем, что отражение внешних явлений является всё же доминирующим. Поэтому, если мы хотим разобраться в современной ситуации, сложившейся в нашей стране и в мире вокруг университетов,

стоит скорее обратить внимание не на их историю, а на значимые события и изменения в культуре в целом.

Вызовы легитимации университета в современной ситуации

Есть ряд особенностей современной культуры, которые с необходимостью влияют на университетскую систему. В данном случае мы приведём те из них, которые кажутся наиболее яркими, хотя между собой они переплетены и отделить их друг от друга не просто.

Первый фактор, о котором говорят исследователи образования, – это увеличение спроса на высшее образование и его массовизация. Эта тенденция наблюдается на протяжении всего XX в. В последнее время в России можно говорить о её спаде [16], но не о исчезновении. Конечно же, это влияет на место университета в культуре, снижая его элитарность и ценность как уникального «явления в себе». Пожалуй, первое, что теряется при массовизации, – это та самая автономность. Массовизация немыслима без серийности, а потому топологическая уникальность университета растворяется в соответствии с новыми требованиями к значимым культурным местам. Они также оказываются серийными, в некотором смысле «прозрачными» для массовой культуры в целом. Сохранять убеждённость в собственной ценности становится труднее.

Следующим важным фактором современной культуры, с необходимостью влияющим на образование, стоит назвать беспрецедентную информационную доступность, возможную благодаря современным медиа. Этот фактор значительно моложе, чем социальный и технологический запрос на массовое образование, но отделить сегодня одно от другого уже чрезвычайно сложно. Появление новых форм образования (дистанционное, смешанное и т.д.) размывает значимость пространственной соотнесённости людей, мест, явлений. Можно сказать, что именно здесь у топологии наступает кризис,

хотя, конечно, речь идёт о появлении нового пространства и его переосмыслении. Доступность информации порождает новую конкуренцию университета с неуниверситетскими и вообще неинституционализированными образовательными учреждениями. Сегодня в сети мы наблюдаем обилие инфопродуктов самого разного качества. Да, пока что одним из важных признаков качества лектора или курса является его приобщённость к официальному академическому миру, однако неясно, как долго этот критерий ещё будет актуален. Медиаформат коммуникации порождает новую форму социальных взаимосвязей, которую называют кластерной. Развитие кластеров в образовании мы наблюдаем сегодня и благодаря метаинформации по публикациям. Появление разного рода сообществ, которые призваны объединить учёных разных университетов, городов и стран, их развитие благодаря онлайн-общению делают их довольно влиятельными и перспективными.

Следует отдельно сказать о влиянии медиакommunikации на сам процесс образования. Глобальное изменение парадигмы работы с информацией в медиакультуре подробно рассматривается в работах множества авторов, уже ставших классиками. В данном контексте достаточно вспомнить М. Маклюэна с лозунгом «Media is the message». В шестидесятые годы эта мысль могла показаться эпатажной и скорее броской, чем правдивой, но с развитием медиатехнологий, социальных сетей и мультимедийных практик она стала привычной и справедливой. Маклюэн сравнивает переход к новым медиа с появлением книгопечатания, демонстрируя тотальное изменение в практиках передачи и фиксации опыта [17]. Без отдельного исследования сложно оценить, насколько появление книгопечатного станка изменило положение дел в университетах XV–XVI вв., но масштаб перемен в современных университетах вполне ощутим. В первую очередь речь идёт о смене «главной техники» в образовании. Если раньше это была память как

средство удержания информации, полученной из текстов, лекций и т.д., то сейчас, по оценкам ряда исследователей, это внимание. Об этом, например, подробно пишет А. Ассман, которая занимается темой культурной памяти и травмы, а потому довольно давно описала актуальные изменения в этой области [18]. Получается, что наиболее актуальным навыком современного интеллектуала или студента оказывается удержание внимания и фильтрация информации. Несмотря на то что формально эти перемены пока на университете не отражаются, каждый преподаватель с необходимостью подстраивается под них, взаимодействуя с современными студентами.

Технологическое развитие современного мира ведёт также к новым социальным вызовам: быстрая смена актуальных и важных знаний, реальные и прогнозируемые изменения в «списке профессий» и т.д. [19; 20]. В целом прогресс с его скоростью вызывает довольно непредсказуемые социальные явления, например, массовую тревогу и прогрессофобию [21]. Всё это, с учетом увеличения продолжительности активной жизни современного человека в западных странах, ставит его перед необходимостью постоянно получать дополнительное образование. Поскольку университет предполагает системность и фундаментальность подхода к образованию, реагировать на подобные изменения ему непросто. Кроме того, возрастает конкуренция с другими образовательными организациями, способными быстро предложить новый и актуальный «образовательный продукт». При этом университет по-прежнему должен соответствовать современным научным тенденциям. Кризис или взлёт отдельных научных дисциплин или представлений, мода на междисциплинарность или отказ от неё также влияют на работу университета как научно-исследовательской организации и меняют его образ в глазах людей.

Новые требования к образованию в целом и к университету в частности возникают не

только как результат необходимости соответствовать технологическому развитию, но и вследствие появления новых ценностных и этических норм. Современный процесс формирования глобальной человеческой идентичности сильно усложняет культурный ландшафт, и университет с необходимостью участвует в процессе ревизии ценностных оснований культуры. Более того, поскольку легитимация топоса университета в предыдущие эпохи происходила на фоне идеологии интеллектуализма и признания образования как культурной ценности, взлом этих представлений заставляет университет искать новые способы легитимировать своё положение в культуре.

Самолегитимация университета в современной культуре

Метанарратив Нового времени полностью разрушился в течение XX в. Соответствовавшая ему университетская система с необходимостью претерпевала осознанные и неосознанные изменения. Некоторые из них вызывают довольно жаркие дискуссии. Наверно, если свести их все к единому вопросу, как мы это попытались сделать для предшествующих эпох, то стоит его обозначить именно как поиск самолегитимации, т.е. поиск нового нарратива, обосновывающего значимость университета для современного мира. Причём необычность ситуации именно в том, что университеты со всей их саморефлексией создают собственный поддерживающий нарратив самостоятельно. Конечно, окружающая действительность всячески влияет на эти поиски, но скорее развенчивая и разрушая нарративы, а не помогая их создавать.

Постмодернистская коррозия метанарративов, так подробно описанная в XX в., уже сменяется поиском новых культурных оснований, которые сегодня обозначают как метамодерн, пост-постмодерн и проч. Эти поиски вне зависимости от их названия опираются на постмодернистское отрицание рациональности как культурной доминанты, а потому предполагают довольно серьёз-

ные изменения в культуре. Можно привести множество примеров, демонстрирующих, что произошедшие изменения открыли новые перспективы развития и самореализации для отдельного человека в различных сферах: искусство, мода, информационная и коммуникативная среда и т.д. Однако ещё на заре осмысления постмодерна выделялись и те сферы, в которых кризис метанарратива становится действительно экзистенциальной проблемой. В частности, Ж.-Ф. Лиотар в «Состоянии постмодерна» писал о проблеме знания в информационных обществах и, конкретнее, о проблеме легитимации университета [22]. Лиотар предполагает, что дальнейшее выстраивание этой легитимации превращается в языковые игры. Спустя 40 лет после того, как эта идея была высказана, мы хотим показать, как сегодня выглядят современные «репрезентационные игры» университетов в процессе самолегитимации, которые включают в себя не только вербальные, но и визуальные формы.

В последние десятилетия всё чаще возникают новые термины, призванные описать современное состояние культуры: пост-постмодерн [23], метамодерн [24; 25], смартмодерн [26; 27] и проч. В этих концепциях авторы фокусируются на тех чертах, явлениях и событиях, которые демонстрируют выход из состояния постмодерна, «отказ от тотального отказа». И всё же, на наш взгляд, речь идёт только о предвкушении новой глобальной концепции. Если справедливо утверждение о том, что постмодерн не разрушает модерн, но является его логическим продолжением, стадией саморефлексии, то и по отношению ко всем прочим ххх-модернам это утверждение оказывается верным [28]. Однако всё сказанное касается концептуальных и терминологических построений, тогда как культурные явления и практики могут демонстрировать нам различные варианты существования, не вписываясь в них.

Проблема бытования университета в современной культурной ситуации, описанная

Лиотаром, действительно крайне актуальна до сих пор. Культурные топосы, культурные системы, реализующие реальное взаимодействие людей, не могут удовлетвориться философскими концептуальными рассуждениями о разрушении нарратива. Поскольку он им крайне необходим, если они хотят существовать в привычном им виде, его поиски становятся их собственным делом. Именно увлекаясь этими поисками, университеты продолжают легитимировать себя с оглядкой на историческую ценность образования, его традиции и значимые образы, а также на актуальные культурные ориентиры. Это мы и называем процессом самолегитимации.

Сегодня мы наблюдаем множество вариантов самолегитимации университетов, основанием которых становятся самые различные, иногда противоположные ориентиры. Все те сюжеты, о которых говорилось ранее в связи с историей университетов, сегодня актуализируются современными институциями: автономность и встроенность в государственную систему, инновационность программ и их традиционность, упор на уходящую в глубь веков историю и прогрессивность. Эти темы становятся центральными в нарративах университетов, которые используют их для построения собственного образа, транслируемого студентам, специалистам, абитуриентам и их родителям. Интересно, что старания вузов всего мира создать правильный или выгодный образ, уже замечены исследователями, которые стараются через опросы студентов выявить связь между имиджем университета и удовлетворённостью обучающихся от времени, проведённого в нём [29; 30]. Это напоминает нам о том, что в современном мире образование с неизбежностью встраивается в экономическую систему и является хоть и своеобразным, но бизнесом. Конкуренция, борьба за абитуриента – вполне логичное следствие этого процесса. Выверенный имидж университета, его бренд, маркетинговая стратегия становятся реальными способами выживания, но строятся они на том самом наррати-

ве, который университет выбирает себе сам в условиях разрушения всех внешних вариантов. В некотором смысле можно говорить о конкуренции нескольких вариантов легитимирующих нарративов.

Пожалуй, наиболее ярким и уже устойчивым примером можно назвать «противостояние» образов традиционного и прогрессивного университета. За рубежом примеров довольно много, наиболее описанный и проанализированный – третье и четвёртое поколение британских университетов. Т.н. «стеклянные» университеты, возникшие после войны, и «новые» университеты последнего тридцатилетия выстраивают образ, опирающийся, что логично, не на традицию, а на актуальность и ориентацию на будущее как в смысле образования, так и в смысле этических норм и проч. В нашей стране также есть примеры таких университетов. На сайтах университетов ИТМО и ВШЭ в разделе «Об университете» есть отдельная страница, посвящённая презентации «миссии университета»¹. В обоих случаях речь идёт об осознании собственной ответственности в обществе, о фокусе на этических вопросах развития учебной организации и научного сообщества. Учитывая мировой опыт, можно сказать, что такая самолегитимация характерна либо для относительно новых университетов, которые не могут себе позволить «легитимацию от традиции», либо для университетов, которые пережили период репутационной потери, а потому выстраивают новый образ. Наряду с такими учебными заведениями, остаются и те, которые активно используют свою историю для создания сегодняшнего имиджа. Для построения устойчивой системы университет

¹ Миссия и ценности // Университет ИТМО. URL: https://itmo.ru/ru/page/209/missiya_i_cennosti_universiteta.htm (дата обращения: 25.02.2022); Кузьминов Я.И., Касамара В.А. О третьей миссии // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://3mission.hse.ru/> (дата обращения: 25.02.2022).

обращается к своему прошлому, чтобы найти основания, подвести их под новые традиции. Из отечественных вузов здесь можно привести в пример Санкт-Петербургский горный университет, который сейчас активно готовится к юбилею и вспоминает о своей продолжительной и славной истории, в т.ч. на главной странице сайта².

Этот пример с условно «традиционными» и «инновационными» университетами (речь идёт скорее о доминировании одной из позиций в образе университета) демонстрирует одну важную черту процесса построения самолегитимации: помимо вербальных средств для обозначения собственной позиции, университеты активно применяют визуальные инструменты. Отчасти это естественно для современной культуры, в которой визуальная составляющая играет всё более активную роль в процессах коммуникации и репрезентации. Кроме того, поскольку процесс самолегитимации для университетов чрезвычайно непросто по многим причинам, визуальные образы оказываются более простым, ярким и наглядным способом обозначить свою позицию в массе вариантов. Так же, как и визуальные маркеры, которыми пользуются в социальных сетях, они легко считываются и создают необходимый конкурентный имидж.

Действительно, визуальные маркеры, которые служат средством для репрезентации университетами собственного идентификационного нарратива, довольно просты. Для их оценки можно рассмотреть корпоративный стиль различной печатной продукции (информационные брошюры, логотип) и оформление официальных сайтов. Университеты, условно ориентированные на будущее, реже используют фотографии своих корпусов или не делают на них акцент. На заглавной странице их сайтов больше изображений людей, иконических и символических изобра-

жений на научную тему (схемы молекул, модели атомов, микроскопы, химическая посуда и проч.)³. Условно традиционные университеты чаще напоминают на главной странице о дате основания, визуализируют себя через архитектуру и классические знаки, связанные с образованием (книги, библиотеки)⁴. Отдельно следует упомянуть и об исторических визуальных ссылках. Европейские университеты с долгой историей в полной мере могут использовать своё средневековое наследие, вписывая его в актуальные представления об образовании как нечто устойчивое, «проверенное». Маркером здесь часто выступает архитектура⁵. Но для отечественных университетов главной эпохой визуального вдохновения для конструирования собственного образа становится XVIII в. и античность. Использование античных образов в архитектуре Нового времени является довольно изученной темой [31]. Интересно, что сегодня она приобретает иное звучание ввиду цитирования и переосмысления уже самих этих цитат (например, схематическое изображённых античных бюстов и колонн). Использование заново сконструированных образов прошлого – это интересный симптом, который говорит о необходимости подкрепления собственной позиции.

Изложенная ранее история университетов оказывается и полезна, и вредна одно-

² Официальный сайт Санкт-Петербургского горного университета (<https://www.spmi.ru/>) (дата обращения: 25.02.2022).

³ Например, официальные сайты Университета ИТМО (<https://itmo.ru/ru/>), Политехнического университета (<https://www.spbstu.ru/>), Ноттингемского университета (<https://www.nottingham.ac.uk/>), Уральского федерального университета (<https://urfu.ru/ru/>) (дата обращения: 25.02.2022).

⁴ Например, официальные сайты Горного университета (<https://www.spmi.ru/>), Санкт-Петербургского государственного университета (<https://spbu.ru/>), МГУ им. М.В. Ломоносова (<https://www.msu.ru/index.php>), Казанского федерального университета (<https://kpfu.ru/>) (дата обращения: 25.02.2022).

⁵ Например, официальный сайт Оксфордского университета (<https://www.ox.ac.uk/>) (дата обращения: 25.02.2022).

временно. С одной стороны, различные варианты обоснования университета помогают современным учреждениям найти необходимую «ссылку» в прошлом, с другой – разнообразие этих ссылок способствует размышлению самой университетской идеи. Мы знаем, что университеты существовали в разных координатах, и чёткого представления, какой из вариантов «правильный» и «верный», нет. Привычная историческая линия не даёт необходимой поддержки, так как в ней обнаруживается слишком много инвариантов. Ориентация на современные ценности и ориентиры оказывается довольно сложной, поскольку они подвергаются постоянной переоценке и трансформации. Все, что остаётся, – это яркие образы, которые пока что считаются позитивно и могут создать положительный образ конкретной учебной организации. Через них и выстраивается самолегитимация современных университетов.

Заключение

Исторические примеры самоопределения университетов в европейской и отечественной культуре крайне разнообразны, что отражает их зависимость не только от внутренних, идейных, но и от внешних факторов. Важным для нас оказывается именно момент осознания университетом своей миссии в актуальной культуре, идеи развития на ближайшее будущее.

Современные культурные вызовы, с одной стороны, вынуждают университет постоянно пересматривать свою структуру и место в культуре, а с другой – практически не позволяют ему всерьёз опереться на «славное прошлое», поскольку действительные основания университетской системы прошлого оказываются разрушены или в кризисе. При этом историческая линия до сих пор ярко проявляется в гуманитарной среде, а потому связь с традициями или прогрессом кажется наиболее очевидной и надёжной.

В итоге сегодня мы можем наблюдать различные варианты самоопределения уни-

верситетов как в России, так и во всём мире. В ситуации значимости именно визуальной репрезентации образа складываются особые языки, знаковые системы университетской самолегитимации. Важный вопрос, который следует рассмотреть: как формируются эти знаковые системы, насколько адекватно они выражают идею университета, являясь частью системы репрезентации. В любом случае, стоит отметить, что образы, будь то «прогрессивное будущее» или «традиции и развитие», оказываются конструктами, от которых этим системам нужны лишь формальные признаки и маркеры. Традиции представляются «наследием, которому не предшествовало заветование», «нечто безо всяких “инструкций”» [32, с. 10], т.е. набором знаков без системы использования и применения; прогресс и будущее – фантазией с довольно смутными очертаниями. Так или иначе, мы полагаем, что справедливо утверждать, что значительная доля современной легитимации университетов происходит в поле визуального, образного и знакового измерения.

Литература

1. *Аврус А.И.* История российских университетов: Очерки. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. 86 с.
2. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века / Пер. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. ISBN 5-288-03334-X
3. *Морозов О.В.* Университетские юбилеи в России и Германии в начале XX века: Дисс... канд. истор. наук. М., 2016.
4. *Суворов Н.С.* Средневековые университеты. М.: Либроком, 2012. ISBN 978-5-397-02439-6
5. *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с. ISBN: 978-5-9551-0320-4
6. *фон Гумбольдт В.* О пределах государственной деятельности. Челябинск: Социум, 2009. 304 с. ISBN: 978-5-91603-110-2
7. *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения в шести томах / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 6. М.: Мысль, 1966. 743 с.

8. *Никольский В.* Университетская автономия и академическая свобода // Высшее образование в России. 2008. № 6. С. 147–155. URL: <http://vovr.ru/upload/nikolsky6-08.pdf> (дата обращения: 25.02.2022).
9. *Беззубова О.В.* Музей и политика памяти // Международный журнал исследования культуры. 2016. № 3 (24). С. 76–84. URL: https://old.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2016/ijcr_3-24-2016_bezzubova%2076-84.pdf (дата обращения: 25.02.2022).
10. *Беззубова О.В.* Музей как новая форма меморации: культура и политика // Мировые тренды и музейная практика в России: Сб. статей междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.А. Сундиева. М. : Изд-во РГГУ, 2019. С. 212–220. ISBN: 978-5-7281-2323-1
11. *Geiger R.* (Ed). The American College in the Nineteenth Century. Nashville: Vanderbilt University Press, 2000. 368 p. ISBN: 978-0826513366
12. *Hofstadter R.* Academic Freedom in the Age of the College. NJ : Transaction, 1996. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351288927>
13. *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М. : НЛО, 2012. 650 с. ISBN: 978-5-86793-945-8
14. *Вишленкова Е.А.* Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века (Часть 1) // Культурологический журнал. 2011. № 1(3). URL: http://cr-journal.ru/files/file/05_2011_11_03_59_1306307039.pdf (дата обращения: 25.02.2022).
15. *Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н.* Удобное прошлое для одной корпорации: постсоветские университеты в поисках классического статуса // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 7. М. : Изд-во РГГУ, 2010. С. 381–396. ISBN: 978-5-7281-1160-3
16. *Мальцева В.А., Шабалин А.И.* Не-обходной манёвр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42. DOI: [10.17323/1814-9545-2021-2-10-42](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42)
17. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешнее расширение человека. М., Жуковский : КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2007. 464 с. ISBN 5-86090-102-Х
18. *Assmann A.* The Printing Press and the Internet: From a Culture of Memory to a Culture of Attention // Globalization, Cultural Identities, and Media Representations. NY : State University of NY Press, 2006. P. 11–23.
19. *Коновалова Т.А.* Российский рынок труда в условиях цифровой трансформации // Профессиональная ориентация. 2019. № 2. С. 15–20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41804058> (дата обращения: 25.02.2022).
20. *Шашикова С.Н., Кондратенко Н.А.* Современные тенденции развития института образования // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 98–107. DOI: [10.24412/2071-6141-2021-3-98-107](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-3-98-107)
21. *Шестакова И.Г.* Прогрессофобия в новой темпоральности цифрового мира // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 61–71. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-7-61-71>
22. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии, 1998. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3097> (дата обращения: 25.02.2022).
23. *Маннулина Э.Б.* Постпостмодернизм: между субъектом и абсолютно внешним // Философия и культура. 2020. № 4. DOI: [10.7256/2454-0757.2020.4.31842](https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.4.31842)
24. *Артеменко А.П., Артеменко Я.И.* От постмодерна к метамодерну: формирование современных визуальных практик // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 47–57. DOI: [10.17223/1998863X/58/5](https://doi.org/10.17223/1998863X/58/5)
25. *Нечаева Е.А.* Метамодернизм как дискурс нового антропологического мифа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 191–202. DOI: [10.29025/2079-6021-2021-1-191-202](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-191-202)
26. *Макиенко М.А.* «Смарт» как парадигма современной культуры // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2020. № 39. С. 52–65. DOI: [10.17223/22220836/39/6](https://doi.org/10.17223/22220836/39/6)
27. *Нетесова М.В.* Smart society: подходы и интерпретации // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4 (39). С. 32–41. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1038](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1038)
28. *Хлыщев Е.В.* Метамодерн как новое мировидение: синтез массового и элитарного // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 2. С. 10–21. DOI: <https://doi.org/10.46539/elit.v2i2.60>

29. *Clemes M.D., Gan C., Kao T.* University Student Satisfaction: An Empirical Analysis // *Journal of Marketing for Higher Education*. 2008. Vol. 17. Issue 2. P. 292–325. DOI: <https://doi.org/10.1080/08841240801912831>
30. *Palacio A.B., Meneses G.D., Pérez Pérez P.J.* The configuration of the university image and its relationship with the satisfaction of students // *Journal of Educational Administration*. 2002. Vol. 40. Issue 5. P. 486–505. DOI: [10.1108/09578230210440311](https://doi.org/10.1108/09578230210440311)
31. *Нащокина М.В.* Античное наследие в архитектуре позднего русского классицизма // *Русский классицизм второй половины XVIII – начала XIX века* / Отв. ред. Г.Г. Поспелов. М.: Изобразительное искусство, 1994. С. 184–193. ISBN: 9785852001597
32. *Ямольский М.* Без будущего. Культура и время. СПб.: Порядок слов, 2018. 122 с. ISBN: 978-5-6040868-3-4
- Благодарности.** Исследование выполнено за счёт субсидии на выполнение государственного задания в сфере научной деятельности на 2021 год № FSRW-2020-0014.
- Статья поступила в редакцию 16.10.21.
Принята к публикации 25.02.22*

References

1. Avrus, A.I. (2001). *Istoriya rossiiskikh universitetov: ocherki* [History of the Russian Universities: Essays]. Moscow : Moscow Public Science Foundation, 86 p. (In Russ.).
2. Le Goff, J. (1957). *Les intellectuels au Moyen Âge*. Le Seuil. (Russian translation by A.M. Rutkevich, St. Petersburg : St.-Petersburg State Univ. Publ., 2003. 160 p.)
3. Morozov, O.V. (2016). *Universitetskie yubilei v Rossii i Germanii v nachale XX veka* [University Anniversaries in Russia and Germany at the Beginning of the 20th Century: Cand. Sci. (History)]. Moscow, 194 p. (In Russ.).
4. Suvorov, N.S. (2012). *Srednevekovye universitety* [Medieval Universities]. Moscow : Librokom, 256 p. ISBN 978-5-397-02439-6 (In Russ.).
5. Andreev, A.Yu. (2009). *Rossiyskie universitety XVIII – pervoy polovini XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian Universities of the 18th – First Half of the 19th Centuries in the Context of European University History]. Moscow : Znak, 640 p. ISBN: 978-5-9551-0320-4 (In Russ.).
6. von Humboldt, V. (1851). *Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen*. Breslau. (Russian translation: Chelyabinsk, Socium Publ., 2009. 304 p.)
7. Kant, I. (1784). Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? In: *Berlinische Monatsschrift*, H. 12, S. 481-494. (Russian translation by N.O. Loskiy, Moscow : Mysl Publ., 1966, pp. 27-35).
8. Nikolsky, V. (2008). The Autonomy of University and Academic Freedom. *Visshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 6, pp. 147-155. Available at: <http://vovr.ru/upload/nikolsky6-08.pdf> (accessed 25.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.).
9. Bezubova, O.V. (2016). Muzeum and the Memory Policy. *Mezhdunarodnyi zbornik issledovaniya kulturni = International Journal of Cultural Research*. No. 3 (24). pp. 76-84. Available at: https://old.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2016/ijcr_3-24-2016_bezubova%2076-84.pdf (accessed 25.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.).
10. Bezubova, O.V. (2019). Museum as a New Mode of Commemoration: Culture and Politics. In: Sundieva, A.A. (Ed). *Mirovye trendy i muzeinaya praktika v Rossii* [International Trends and Museum Practice in Russia]. Moscow : Russian State University for the Humanities, pp. 212-220. ISBN: 978-5-7281-2323-1 (In Russ., abstract in Eng.).
11. Geiger, R. (Ed). (2000). *The American College in the Nineteenth Century*. Nashville: Vanderbilt University Press, 368 p. ISBN: 978-0826513366
12. Hofstadter, R. (1996). *Academic Freedom in the Age of the College*. NJ : Transaction. 286 p., doi: <https://doi.org/10.4324/9781351288927>

13. Vishlenkova, E.A., Galiullina, R.H., Ilina, K.A. (2012). *Russkie professora: universitetskaia korporativnost ili professionalnaya solidarnost* [Russian Professors: University Corporatism or Professional Solidarity]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 656 p. ISBN: 978-5-86793-945-8 (In Russ.).
14. Vishlenkova, E.A. (2011). Temporality and Time Perception in the Russian University of the 19th Century (Part 1). *Kulturologicheskii zhurnal = Journal of Cultural Research*. No. 1(3), p. 3. Available at: http://cr-journal.ru/files/file/05_2011_11_03_59_1306307039.pdf (accessed 25.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.).
15. Vishlenkova, E.A., Dmitriev, A.N. (2010). A Convenient Past for One Corporation: Post-Soviet Universities in Search of Classical Status. In: *Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy*. [Russian Anthropological School. Works]. Issue 7, pp. 381-396. Moscow : RGGU. ISBN: 978-5-7281-1160-3 (In Russ.).
16. Maltseva, V.A., Shabalin, A.I. (2021). The Non-Bypass Trajectory, or The Boom in Demand for TVET in Russia. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 2, pp. 10-42, doi: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>
17. McLuhan, M. (1964). *Understanding Media: The External Expansion of Man*. McGraw-Hill, 318 p. (Russian Translation by V.G. Nikolaev, Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2007, 464 p. ISBN 5-86090-102-X).
18. Assmann, A. (2006). The Printing Press and the Internet: From a Culture of Memory to a Culture of Attention. In: *Globalization, Cultural Identities, and Media Representations*. NY : State University of NY Press, pp. 11-25.
19. Konovalova, T.L. (2019). Russia's Labor Market in Digital Transformation. *Professionalnaya orientatsiya* [Professional Orientation]. No. 2, pp. 15-20. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41804058> (accessed 25.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.).
20. Shashkova, S.N., Kondratenko, N.A. (2021). Modern Trends in the Development of the Institute of Education. *Izvestiya TulGU, Gumanitarnye nauki = Izvestiya TulGU, Humanitarian Sciences*. No. 3, pp. 98-107, doi: 10.24412/2071-6141-2021-3-98-107 (In Russ., abstract in Eng.).
21. Shestakova, I.G. (2021). Progressophobia in the New Temporality of the Digital World. *Voprosi filosofii* [Issues of Philosophy]. No. 7, pp. 61-71, doi: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-7-61-71> (In Russ., abstract in Eng.).
22. Lyotard, J.-F. (1979). *La Condition postmoderne: rapport sur le savoir*. Paris, Minit. (Russian translation by N.A. Shmatko, Moscow : Institute of Experimental Psychology, 1998. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/3097> (accessed 25.02.2022).
23. Mannullina, E.B. (2020). Post-Postmodernism: Between the Subject and Absolutely External. *Filosofiya i kultura = Philosophy and Culture*. No. 4, doi: 10.7256/2454-0757.2020.4.31842 (In Russ., abstract in Eng.).
24. Artemenko, A.P., Artemenko, Y.I. (2020). From Postmodernism to Metamodernism: The Formation of Modern Visual Practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, Political Science*. No. 58, pp. 47-57, doi: 10.17223/1998863X/58/5 (In Russ., abstract in Eng.).
25. Nechaeva, E.A. (2021) Metamodernism as a Discourse of a New Anthropological Myth. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. No. 1, pp. 191-202, doi: 10.29025/2079-6021-2021-1-191-202 (In Russ., abstract in Eng.).
26. Makienko, M.A. (2020). "Smart" as a Paradigm of Modern Culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie = Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. No. 39, pp. 52-65, doi: 10.17223/22220836/39/6 (In Russ., abstract in Eng.).

27. Netesova, M.V. (2020). Smart Society: Approaches and Interpretations. *Vectory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium = Journal of Wellbeing Technologies*. No. 4(39), pp. 32-41, doi: 10.18799/26584956/2020/4(39)/1038 (In Russ., abstract in Eng.).
28. Khlyshcheva, E.V. (2021). Metamodern as a New Worldview: A Synthesis of the Mass and the Elitist. *Voprosi etologii = Issues in Elitology*. Vol. 2, no. 2, pp. 10-20, doi: <https://doi.org/10/46539/elit.v2i2.60> (In Russ., abstract in Eng.).
29. Clemes, M.D., Gan, C., Kao, T. (2008). University Student Satisfaction: An Empirical Analysis. *Journal of Marketing for Higher Education*. Vol. 17, no. 2, pp. 292-325, doi: <https://doi.org/10.1080/08841240801912831>
30. Palacio, A.B., Meneses, G.D., Pérez Pérez, P.J. (2002). The Configuration of the University Image and Its Relationship with the Satisfaction of Students. *Journal of Educational Administration*. Vol. 40, no. 5, pp. 486-505, doi: 10.1108/09578230210440311
31. Nashchekina, M.V. (1994). Ancient Heritage in the Architecture of Late Russian Classicism. In: Pospelov, G.G. (Ed). *Russkiy klassitsizm vtoroi polovini XVIII veka – nachala XIX veka* [Russian Classicism of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow : Izobrazitel'noe iskusstvo, pp. 184-193. ISBN: 9785852001597 (In Russ.).
32. Jampolskiy, M. (2018). *Bez budushchego. Kultura i vremya* [Without Future. Culture and Time]. St. Petersburg : Poryadok slov, 122 p. ISBN: 978-5-6040868-3-4 (In Russ.).

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of a subsidy for the fulfillment of the state task in the field of scientific activity for 2021 No. FSRW-2020-0014.

The paper was submitted 16.10.21.

Accepted for publication 25.02.22

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

Двухлетний импакт-фактор
РИНЦ-2020, без самоцитирования

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ	4,355
ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА	2,975
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ	2,271
ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	2,229
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	2,027
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	1,766
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ	1,575
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	0,840
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	0,817
ПЕДАГОГИКА	0,772
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ	0,514
ALMA MATER	0,265